

Белая плесень слезает тихонько
С синей корочки материкового хлеба.
Такое же солнце
светло-белым пятном
Мутнеет на своде тёмно-белого неба.

Есть ещё жёлтые пятна - они
Мерно плывут по дороге сырой.
Жёлтый - цвет сумасшествия
по Достоевскому,
Но пусть лучше Фёдор Михайлович помолчит
и продолжит брести по проспекту Невскому.

Здесь другой город -
Хоть он и так же стоит у плесневелого моря...
Здесь и сейчас жёлтый - греющийся ворох,
Жизни оплотик, пребывающий с белым в ссоре.

Вот, казалось, улетаешь вниз со свистом -
Да с таким, что услышало бы отрезанное ухо художника -
Чтобы рухнуть, да устаканиться на стеклянном дне
в роли кем-то проКлятого бариста
Но как вдруг, откуда-то из звёздчатого вне,
Появляется волшебная верёвка,
Предлагая выход из логова нелёжкой.

Можно было бы, конечно, и повеситься,
Чтобы кто-то смог потом повеселиться.
Ну а я же предпочёл за благословение схватиться,
Да бежать из этой окопесицы -
Ну и вверх, туда где свет Луны
Заливает небеса до основания.
Ибо хочется мне окунуться в море белизны,
После чего вылезти, встряхнуться - избавиться от вины,
Да обрызгать мир невиданным сиянием.

Под светом ржавого вольфрама
Дымится в кружке чай гнилой,
И, будто шёпот Амстердама,
Он всё пронизывал иглой...

Полна уж пепельница маний.
Пушистый хвост стоит трубой,
И с болью нудных ожиданий
Ввязался смех в смертельный бой.

И гулко марширует глупость
По мозгу; сто бредовых дум
Бросает в разум, словно псу кость...
Всё разложить - не хватит сум.

А где-то Солнце уж на столик
Забросило козырный туз.
Луну забрал в лаз белый кролик,
Лишив лазурь полночных уз...

Надень свою печальную улыбку,
Пусть сердце бьётся с серым небом в такт.
Задаст тебе вопросы на засыпку
Прохладный ветер, в коем чаешь смак.

Пускай нас окружит прибрежный воздух -
Я рядом, лишь поймай тепло руки;
Глаза мои сияют, словно звёзды...
Пойдём на пирс - там все слова легки.

И никогда ты не познаешь тайну,
Где ныне ходят все те корабли,
Что раньше бороздили мыслей край, но...
не важно это в сотне километров от земли.

Сер от пыли злой осенний ветер,
Хочет он кричать, но лишь скулит,
Словно от побоев старый сеттер...
Растянулась серость среди плит.

Я твою боль чувствую, спокойно...
Расскажи: ты тоже не прощён?
Ты, как я, проигрывал все войны?
В безнадёге так же был крещён?

Знаю, почему ты мечешь листья
Посреди рассыпчатых домов:
Память всё пытается загрызть... Я,
Как и ты, брожу среди углов.

А ещё ты ищешь настоящей,
Той, что вечно царствует, любви,
Но не видишь... Есть лишь пыль, что пляшет
На углях эмоций и крови.

Ну же, надень своё новое платье,
Все хотят видеть твою красоту.
Пусть на меня уже рухнет проклятье -
Знаю прекрасно, на что я иду...

Бог с теми, глупыми, чёрт с мудрецами -
Все они нас не заботят давно.
Лишь бы глаза твои рядом мерцали
В свете сознанья - горит уж оно.
Лишь бы костёр этот грел, всё равно...

Это безумно - и я ненормален.
Но моя норма приносит мне боль.
День ото дня словно в странной опале...
Так почему не покинуть юдоль,
Чтобы не сыпалась на раны соль,
И свести всё, что тревожит, на ноль?

Кошка сожрёт свою мышку,
И жизнь продолжится -
Я гарантирую это!
Надо лишь найти свой собственный поводок...
Так подайте же мне карету!
Я собираюсь вернуться на место!
Туда, где вместо вместо будет вместе!
А вместо вместе будет всегда!
Да...

Борода,
полная звёзд о шести концах,
Подметает небо,
Подбрасывает в воздух и за шиворот холодá.
И отчего-то так легко жить становится -
Душа легчает, вот-вот улетит...
Лишь бы никто не сказал "Брысь!"
А то придётся вернуться на мыс,
Опоясывающий нервным, звенящим, звонким кольцом
Моё желанное море, мой дом,
Что покинут был до моего рождения.

И вновь безумный бег -
И под дождём, и под палящим блеском;
И так будет всегда от альфа и до омега.
До звёзд нейтронных сжалось всё, что было веско -
И всё для иллюзорного,
Туннельносветного конца.

И есть воля внутри;
Пока не заперты кавычки,
Замка не видно, как очки не три.
И ненормальный лай, возможно по привычке -
То гон до иллюзорного,
Мирнопристанного конца.

И остинантный синдром
Абстинентного баса,
Гораздо более морской, нежели ром;
Шумя, летит по ветру, да манит без прикраса -
Ведёт до иллюзорного,
Волнисто-вечного конца.

И тьма пожатий рук
Скульптур увековеченных ваятелей.
И честь, словно от слуг,
От армий изувеченных воителей -
Всё в путь до иллюзорного,
Не всем доступного конца.

Пошёл снег.
А вот трава.
Цветы. Жива.
Рыжий свет.

Пшёл снег.
А вт трава.
Цвты. Жива.
Ржий свет.

Пшёл снг.
А вт трва.
Цвты. Жва.
Ржий свт.

Пшл снг.
А вт тва.
Цвт. Жва.
Ржй свт.

Пшл сг.
А вт та.
Цвт. Жа.
Ржй ст.

Пл сг.
А т та.
Цт. Жа.
Рй ст.

Пл с.
А т т.
Цт. Ж.
Рй с.

П с.
А т.
Ц. Ж.
Р с.

П.
А.
Ц.
Р.

Ой, а что это такое на дне воронки? Правильно, Большой Взрыв!

Вновь умираю я каждую ночь -
Снилось ль такое когда-то Авроре?
Все, кого знал я, уносятся прочь:
Люди уходят - на счастье и горе...

Кто был оставлен - однажды уйдёт,
Но не вернётся он к тем, кто оставил.
Память разъест словес светлых полёт -
Нет исключения из этих правил.

Схема работает словно часы -
Чёрным хвостом мелькнёт тень от преграды -
И не нарушишь ты сей полосы.
... Добро пожаловать. Здесь вновь тебе рады.